

Ф. Л. АПРАКСИНА

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ ТРАМΠΑРКА В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

В первые дни революции трамвайщики Самары часто устраивали собрания и митинги. На собрания к нам приходили представители разных партий: большевики, меньшевики, правые и левые эсеры, максималисты — все они звали рабочих в их партию, как самую верную и справедливую.

За годы империалистической войны большинство мужчин было отправлено на фронт. Поэтому среди движущих преобладали женщины, преимущественно солдатки, незнакомые с политическим движением передовых рабочих России. Мы не так скоро поняли, где наше настоящее место, за кем пойти, какой партии отдать свой голос.

Из большевиков у нас чаще всех бывал Ф. И. Венцек. Он был прекрасным оратором, его слушали с большим вниманием. Скоро выяснилось, что среди рабочих трамвая есть и большевики, и меньшевики, и эсеры. Наиболее активными из большевиков были Чуйков, Маркова, Ильина. Однако значительным влиянием среди трамвайщиков пользовались меньшевики.

Первое собрание, на котором избирались депутаты в городской Совет, проходило хотя и очень бурно, но

Апраксина Фаина Львовна (р. 1892) — работница трамвайного парка, член КПСС с апреля 1917 г. Летом 1918 г. принимала участие в работе подпольной большевистской организации, состояла в группе Ф. В. Паршина. В последующие годы работала в органах юстиции. В настоящее время — персональная пенсионерка.

организованно, так как к этому времени рабочие в большинстве своем определили свои позиции. В состав депутатов, избранных в горсовет, вошли четыре большевика: Чуйков, Маркова, Ильина, Апраксина; от эсеров прошли тоже четыре человека: Рыкова, Лобанова, Савельева и Муромцева.

В июльские дни 1917 г. политическая борьба среди рабочих трампарка стала все более обостряться. Пользуясь поддержкой органов Временного правительства, меньшевики и эсеры начали выживать большевиков. Вынуждены были уйти Чуйков, Маркова. Остались мы с Ильиной. Некоторые эсеры пустились на разные провокационные действия, чтобы запугать наших женщин — кондукторов и вожатых.

Все лето проходили бурные собрания, шла борьба между фракциями за большинство в Совете. Меньшевики из кожи лезли, чтобы усилить свое влияние среди рабочих. Перед Октябрьскими событиями они провели несколько собраний членов профсоюза рабочих и служащих городских предприятий. На этих собраниях обсуждался главным образом вопрос, как реагировать профсоюзу в случае, если большевики осмелятся «захватить» власть в городе. Собраниями чаще всего руководили меньшевики Слоним и Полен.

Последнее такое собрание перед Октябрем проходило особенно бурно. Председатель его, меньшевик Слоним, призывал делегатов к тому, чтобы они на своих предприятиях призвали рабочих и служащих во что бы то ни стало не допускать большевиков к власти. Но если все же им удастся захватить власть, то нужно будет объявить всеобщую забастовку протеста, бросить работу и не приступать к исполнению своих обязанностей. Рабочие с возмущением встретили эти меньшевистские призывы. «Мы не будем звать рабочих на такую подлость», — говорили выступавшие делегаты, — чтобы город и его население оставить без воды, без света, без пожарной охраны и без трамвая».

Власть большевиками была взята в Самаре без пролития крови, при активной поддержке широких масс рабочих. Правда, служащие некоторых городских учреждений не выходили на работу, уверенные в том, что большевики долго не продержатся. Но этот саботаж чиновников был сломлен.

Победа в Октябре 1917 г. рабочим досталась не-

легко. Борьба была смертельной. Даже на таком предприятии, как будто бы не очень крупном, как трамвай, среди наших товарищей было немало людей великой души, способных идти на муки и смерть ради блага народа, во имя нашей Родины.

В мае 1918 г., когда стало известно о наступлении белочешского корпуса на Самару, городской комитет большевиков поручил нам организовать боевой отряд из рабочих завода Шерстнева, подковного завода, свечной и спичечной фабрик, которые тогда находились на территории подрайона трампарка. Отряд был организован из тридцати человек, в него вступили и наши трамвайщики: братья Дмитриевы, Русаков и другие. Часть наших товарищей погибла в бою под Липягами, другая была захвачена белогвардейцами и увезена в поезде смерти.

В горячих событиях тех дней, в горниле ожесточенной классовой борьбы быстро росло сознание рабочих, в особенности в дни господства Комуча в Самаре. Несмотря на то, что к приходу белочехов у нас на трамвае оставалось только два большевика (Ильина и Апраксина), во время господства учредиловцев трамвайщики все больше и больше примыкали к большевикам, помогали подпольщикам.

Но, как говорится, в семье не без урода. Были и среди трамвайщиков горячие приверженцы старого, враждебно относившиеся к большевикам. Вагоновожатая Балакина сразу после захвата Самары интервентами стала на путь предательства и ушла работать в белогвардейскую контрразведку. По ее доносам погибло много наших товарищей, участников защиты Самары, по ее же доносам преследовали родственников бойцов, ушедших в Красную Армию.

Вместе с другим предателем Балакина привела ко мне на квартиру вооруженных белогвардейцев, которые и арестовали меня. Только благодаря случайности мне удалось освободиться из-под ареста, и я снова начала работать в трампарке.

Однажды, в июле 1918 г., когда я работала на вагоне 5-го маршрута дачной линии, ко мне в вагон пришел Дурманов, разводящий, и сообщил, что поступило распоряжение коменданта города Ребенды о подаче пяти вагонов для перевозки солдат на дачи, которые должны были провести облаву на подпольщиков. Мы

с Дурмановым решили помешать этому. Для этого договорились свалить вагон с рельс на Артиллерийском разъезде около Трубочного завода. Я провела вагон по стрелкам таким образом, что он сошел с рельс всеми скатами. А в то время дачная линия трамвая была однокольной и вагоны встречались на разъездах. В результате аварии движение трамваев по дачной линии приостановилось. Приехавшие слесари, поняв, в чем дело, тоже примкнули к нашей «забастовке». Им никак не удавался подъем вагона. Так он и стоял до вечера. Облава на подпольщиков была сорвана.

Приведу еще один случай солидарности беспартийных с большевиками. На этот раз я вела вагон 3-го маршрута по набережной Волги от Струковского сада к Заводской улице. На остановке Панской (Ленинградской) улицы с горы слева бежали два человека от преследовавших из четырех солдат с наганями в руках. Дело происходило после заката солнца. На площадке вагона у меня находился инструктор движения Солдатов. Тут же мелькнула мысль — если за людьми гонятся белогвардейцы, значит это люди наши и их надо выручать. Хотя звонок отправления я уже получила, но мотор не включила, ждала беглецов. И как только они вскочили в вагон, я взяла рукоятку сразу на параллельный ход — вагон подпрыгнул и помчался как бешеный. В это время солдаты сбежали с горы и с криком «Стой, стой!» открыли стрельбу, стараясь остановить вагон. Инструктор Солдатов был беспартийный и очень строг, но тут он забыл о всех правилах и лишь повторял: «Езжай быстрее... Увезем ребят». Без остановок влетели мы на гору, проскочили мимо памятника, где была будка с дежурным инструктором. И только на Саратовской (ныне Фрунзе) сделали остановку, где беглецы прыгнули с вагона и скрылись, завернув за угол.

Солдатов как инструктор должен был написать рапорт на меня, что я нарушила правила движения, но он этого не сделал. А когда белогвардейцы приехали на узловую станцию для расследования, меня подвергли допросу. Я сослалась на испуг от стрельбы по вагону и заявила, что никаких беглецов я не видела. Я была лишь отстранена на пять дней от работы на моторном вагоне, тем и отделалась.

Вспоминается мне чудесная девушка Пана Ильина. Когда белочехи захватили город, начались кровавые

расправы с большевиками. Нужно было как-то укрыть наиболее видных, известных всем в городе руководящих работников, которые не успели вовремя выбраться из города.

По поручению М. О. Авейде Пана Ильина сумела спрятать у себя и после спасла от расстрела А. П. Галактионова и еще нескольких товарищей. Белогвардейский штаб охраны получил донос о том, что Ильина помогает большевикам, и она была арестована. Однако, кроме анонимного доноса, у белогвардейцев не было никаких улик и ее освободили, взяв обязательство через каждые два дня являться для отметки. Она, конечно, не стала отмечаться и немедленно скрылась.

После изгнания белогвардейцев Пана Ильина сначала работала в губвоенкомате, а потом губком партии направил ее в деревню. Там она проводила большую работу, организовывала комсомольские ячейки, вела борьбу с кулачеством.

В дни наступления Колчака, когда страна была в смертельной опасности, многие рабочие и работницы — трамвайщики ушли добровольцами в Красную Армию. Среди этих добровольцев я помню Тамару Воронину, Анисью Морозову, Николая Кармаева, братьев Дмитриевых, Андреева, Букреева.

Тамара Воронина вступила в Самарский рабочий полк Красной Армии и участвовала в боях с колчаковцами. Это она вынесла из пекла боя тяжелораненого нашего товарища, старого коммуниста самарца Полякова, спасла ему тогда жизнь, а свою отдала за родину. В том же бою Воронина была схвачена белыми казаками, которые зверски ее замучили. Николай Кармаев во время боя был захвачен в плен и расстрелян, выдержав нечеловеческие мучения.

Да разве возможно перечислить всех, кто беззаветно боролся за Советскую власть и отдал свою жизнь за счастье народа?
